

этом Ольгу Берггольц и то, как тема осажденного Ленинграда, тема блокады и мужества ленинградцев в этот конкретный исторический период стала темой ее жизни, оплодотворила лучшие ее произведения и сделала широко известным имя поэтессы.

Немного помолчав, мой молодой собеседник признался:

— Да, вы знаете, я очень многое пропустил, я не смог разглядеть многого, не сумел изучить местный материал.

— Не захотел, — внес я поправку в его откровенное признание.

— Пожалуй, да, — сказал поэт, — и я чувствую, как мое легкомыслие теперь мстит мне.

Это было горькое признание. Горькое потому, что мы жили и работали во Львове и в западных областях Украины, имея рядом с собою подлинно золотые россыпи интереснейшего, поучительного, человеческого материала, способного вызвать к жизни глубокойидейные, воспитательные произведения. Этот материал вызвал к жизни отличную прозу и драматургию Ярослава Галана, его гневные, разоблачительные памфлеты, роман Петра Козланюка «Юрко Крук», который скоро завершится третьей частью, приближающей ее главного героя к нашим дням, документальную повесть Василия Лозового «В долине Стрипы», которая при всей незавершенности замысла воспринимается как некая творческая завязка на создание широкого полотна. Много примет времени можно обнаружить в своеобразных стихах Дмитра Павлычко, в очерках и рассказах Ирины Вильдо. Несомненно, принесет пользу завершаемая сейчас книга «Накануне» Ф. Гузюка, человека, обладающего большим жизненным опытом и метким наблюдательным глазом художника.

Только что в девятой и десятой книгах журнала «Жовтень» опубликованы интересные мемуары П. Карманского «Сквозь мрак». Интересны последние стихи Ростислава Братуна, посвященные героизму комсомольцев «истребительных батальонов» и рождению Львовско-Волынского угольного бассейна. Самоотверженно осваивает эту же тему рождения шахт на Львовщине и молодой очеркист Д. Цмокаленко. Но всего этого очень и очень мало, если учесть те задачи, которые ежедневно

решают труженики области. Такой упрек относится, конечно, и к автору этих строк.

Конечно, когда мы говорим о «географической привязке», надо иметь в виду и то обстоятельство, что где бы ни работал писатель, накопленные им до этого жизненные впечатления «поведут» его новый роман, определят маршруты его героев, расцветят страницы его произведений. Предположим, что большой патриот Крыма и «крымской темы», Павленко поселился бы в Крыму не после окончания Великой Отечественной войны, а значительно раньше — например в тридцатые годы. Разве имел бы кто право возражать против того, чтобы П. Павленко, живя в Крыму, писал «Баррикады» или роман «На Востоке»? Конечно, нет! Но мы убеждены в том, что высокое качество умения видеть окружающую действительность, каким обладал Павленко, рано или поздно неминуемо привело бы к «Счастью». Речь идет о том, что некоторые писатели, и не только львовские, проходят мимо полковников Воропаевых у себя под носом и, отправляясь в поиски «экзотических» тем на другие, далекие параллели, также осваивают их поверхностно.

Мы называли выше, среди литераторов Львова, поэта Василия Глотова, который, на наш взгляд, недостаточно глубоко освоил львовскую тему. Беда еще и в том, что подобной приблизительностью страдают и стихи Глотова о целине, отдельные произведения алтайского цикла, и это, несмотря на то, что В. Глов — сибиряк. А вот военная лирика, солдатские стихи у него очень хороши. Видно, что он вложил в них свою душу, весь запас жизненных наблюдений, принесенных с войны, а, осваивая другие темы, работает без нужного внутреннего горения.

Нам надо беречь и глубоко культивировать у себя в организации традиции Ярослава Галана и особенно его высокую требовательность по отношению к своему литературному труду.

Во Львовской писательской организации свыше тридцати литераторов-профессионалов. Если бы каждый из них захотел знать больше об окружающей его жизни, работать с ответственностью, упорством и хваткой Ярослава Галана, со страстностью Александра Гаврилюка, с глубоким филологическим подходом к теме Степана Тудора, выгоревшая в самом себе легкомыслен-

ное отношение к писательскому труду и прежде всего — приблизительность, работу «на авось», — здесь, в прекрасном старинном украинском городе Львове могла бы расцвести настоящая, большая литература.

Для этого надо сегодня во главу угла поставить борьбу за качество литературы, объявить войну книгам-однодневкам, изъять из обращения распространенный еще во-всю прилетизм в оценках литературных явлений и при продвижении новых книг пользоваться одним основным критерием — высокими требованиями советской литературы.

4. Точное слово

Некогда французский писатель Жюль Ренар справедливо заметил:

«Точное слово! Точное слово! Сколько можно было бы сберечь бумаги, если бы закон обязывал писателя пользоваться только точными выражениями!.. Нужное слово, вот что такое стиль».

Творческую манеру Ярослава Галана отличает это блестящее умение оперировать подсказанными жизнью точными словами, выражающими смелые, тугие, как тетива натянутого лука, мысли. Галан никогда не допускал приблизительности, неточности в описаниях. Я помню, как один из молодых львовских редакторов, не зная, что в природе существует слово «омофор», заменил его в памфлете Галана более распространенным «семафором». Вот и получилось, что «кардинал сидит под семафором». Эта, с позволения сказать, мелочь так глубоко возмутила Галана, что он несколько дней заводил о ней разговор, не мог успокоиться, ему было горько сознавать такое, от редакторского невежества идущее надругательство над читателем.

А вот совсем недавно в пьесе одного из авторов, уже не первый год работающего в украинской литературе, посвященной Галану, мы прочли, как в одном из львовских ресторанов во времена панского владычества Степан Тудор требовал:

— Пива и крабов!

Нам трудно было сдержать улыбку при чтении этой реплики. Мы стали терпеливо объяснять драматургу, что такого выкрика не могло быть по следующим причинам: 1) у Тудора не было средств расхаживать по ресторанам; 2) крабы в Польше считались большим деликатесом, подобно зерни-

стой икре, и нуждающийся Тудор никогда не смог бы потребовать такую аристократическую закуску; 3) да и вообще, такое сочетание — пиво и крабы — вряд ли было возможно.

Вы думаете, литератор, которому сделали такое замечание по существу, огорчился, покраснел, признал ошибку? Ничего подобного! Он только спросил:

— А чем же закусывали во Львове пиво?

Что обозначал по сути дела этот вялый, безразличный вопрос? А то, что, сев за стол писать пьесу о Ярославе Галане и его боевых товарищах, о том, как они воевали со львовской реакцией, литератор не потрудился даже вооружиться глубоким знанием жизни, проникновением в быт того времени — тридцатых годов, а лихо зашагал по проторенному пути приблизительности, подбирая с неимоверной легкостью по обочинам не точные слова, а все, что попадало ему под руку.

В одном из писем к начинающим писателям Джек Лондон остроумно писал:

«Каждый раз, как писатель высказывает правду по поводу рукописи (или книги) своему другу-автору, он теряет этого друга или видит, как дружба начинает блекнуть, вянуть и превращается в призрак того, что было раньше. Каждый раз, как писатель говорит правду о рукописи (или книге) незнакомому автору, он приобретает врага».

Если писатель любит своего друга и боится его потерять, он солжет своему другу».

Мы, советские литераторы, живем в совершенно другое время в другом обществе, исключающем надобность и возможность подобных оценок.

Мы трудимся для народа, во имя народа, во имя тех высоких целей, в которых совет нас партия.

5. Раскроем пошире двери!

Советский писательский коллектив всегда будет в состоянии навести порядок в своих рядах, если только всегда будет связана с жизнью, с нашей кипучей советской действительностью, неустанно пополняющей кадры нашей литературы.

Недавно я получил читательское письмо, часть которого позволю обнародовать:

«...Сейчас автор этой повести живет во

Львове, уже семь лет он инженер-монтажник, вместе с бывшими галицийскими «зуйками», ставшими верхолазами, монтирует конструкции новых цехов на львовских заводах. И вот еще, есть у него одна повесть, называется «В старом городе», натолкнута жизнью и посвящена строителям и монтажникам Львова и всей этой жизни, которую автор знает хорошо. Ведь почти все, что выстроено за эти годы на «Автопогрузчике» да на ламповом, на «Сельмаше» и автобусном, создавалось на глазах и при его участии».

Повесть о верхолазах, о тех, кто «высоко ходит и много видит», признаться по чести, — материал очень благодарный и приятно богатый: бьет из-под рук, как фонтанирующая нефть из скважины, не удерживать пером. И — пока еще — никудышность исполнения, деревянность, многословие, техницизм, обилие действующих лиц: все то, что сразу узнается у других, и — ой, как трудно вытравляется у себя!

И самое тяжелое: нет никакой уверенности, ни одного ободряющего слова, что не напрасно дымишь! Пока — только постоянная ирония близких, от которых нельзя утаить, да и, чего греха таить, собственная горько-соленая разьедающая усмешка: ведь немало уже горьких слов услышано...»

Не будем заочно определять качество повести «В старом городе». Можем только пожелать успеха ее автору, совершенно еще неизвестному ни литературной обществу Львова, ни штатному консультанту Львовского отделения Союза советских писателей Украины Ростиславу Братуно, и высказать еще одно, на мой взгляд, немаловажное соображение.

Советская власть создала писателям Львова такие прекрасные условия для работы, о которых и мечтать не мог великий сын украинского народа и неутомимый труженик, «каменотес» литературы Иван Франко, столетие со дня рождения которого мы будем отмечать в будущем году. Не будем говорить об издательстве, о нескольких газетах, которые охотно отводят свои страницы для печатания литературных материалов, о радио, о средствах на консультацию начинающих. Поговорим хотя бы о просторном, хорошо оборудованном писательском клубе и отличном помещении Львовского отделения Союза советских писателей Украины. В помещении,

переданном горсоветом писателям Львова, есть все условия для настоящей творческой работы, для собраний, для активного обсуждения написанного, для того, чтобы было где сказать правду друг другу в глаза, сказать доброжелательно, желая успеха товарищу, стремясь к тому, чтобы его работа стала еще лучше.

Но вместе с тем, как иной раз удивительно пустынно бывает на собраниях в клубе писателей по улице Чернышевского, сомнадачь, как иной раз казенно, без подлинного творческого огня, при взаимных реверансах и оглядках, с бесконечным количеством величаний друг друга по имени-отчеству проходит такое обсуждение.

Мне думается, что все это происходит еще и потому, что далеко не все люди Львова, пишущие и любящие литературу, а в том числе и автор процитированного выше письма, знают дорогу в писательский клуб, смогут почувствовать себя там желанными гостями и даже, пусть на первых порах как читатели, а не участники литературного процесса, имеют возможность высказать там свою мысль.

Вот недавно обсуждали мы работу Ф. Гузюка и, в частности, его первый роман «Накануне». Подошел к трибуне новый товарищ, преподаватель литературы, и стал высказывать свое мнение, резко противоположное всему тому, что говорилось о романе до него. Пусть товарищ сбивался, не умел правильно аргументировать свои мысли, но он имел полное право их высказать. Однако тут же с мест стали подавать ему раздраженные, высокомерные реплики. Видно было, что выступление товарища пришлось кое-кому не по вкусу. А жаль! В нашем отделении Союза должно быть много гостей, пусть все они будут желанными, ведь они — хозяева литературы, которая создается под их контролем, при их участии.

Свежий ветер настоящей, созидательной жизни пусть ворвется в просторные комнаты Львовского отделения Союза советских писателей! Будем встречать у себя людей разных профессий и не побоямся выслушать их суждения о книгах, а когда нужно гостям будет — поможем им советом, дружеской поддержкой, по-настоящему откровенным разговором. В городе больших литературных традиций должна ключом бить полнокровная литературная жизнь!

Владимир БЕЛЯЕВ.